

Ком. преемства 1982 (Feb 27) 4

Его предсмертные слова на чертах не знаменат всемирного движения сторонников мира! Любите, любите вас! Будьте бдительны!...

До торжественного открытия первого в нашей стране музея Юлиуса Фучика осталось всего несколько часов, когда директор музея Александр Иплатович Бокарева знакомил меня с экспозицией.

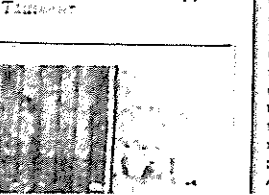
В холодном декабре 1934 года молодой журналист узбекской республиканской молодежной газеты Александр Бокарева случайно оказался популярным Юлиусом Фучика в поезде № 6 Москва — Ташкент.

В самом центре Ташкента находится музей Юлиуса Фучика — на углу улиц Жукоского и Фучика. Более 3 тысяч экспонатов собрано в музее. Это документы и фотографии, книги с его автографом.

Вчера состоялось торжественное открытие музея. На церемонию прибыла член ЦК Компартии Чехословакии, депутат Федерального собрания ЧССР, вдова писателя-коммуниста Густа Фучика, член резидентской комиссии ЦК Компартии Чехословакии, главный редактор журнала «Партизанская жизнь» З. Валента.

В церемонии открытия музея Юлиуса Фучика принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

В НИЯЗМатов. (Наши юмор).

«Память о великих людях умирает вместе с ними. Мудрость наших дней исчезает, но достигнет до потомства, и поколения, что сомнутся в путь таинственной вежливой дней безгласных, дней грядущих...»

Принс санданью — с глазу на глаз мы ведем свои беседы. Но, рассказывая, мы ввернем наших тайных тем, которых Писмамы мы друг и друг!

Тем сказал себе однажды Гайавата, размышляя о радном своем народе и бредя в лесу пустынный...

Когда читаю «Песнь о Гайавате» и захожу до этих строф в главе «Писмамы», почему-то всегда представляется земный пейзаж Новой Англии, выданной на картинках Бабушкин Мозес: покатые холмы, круглые деревья, покрытые снегом, прозрачные озера под лхым, уходящая вдаль дорога, над которой «шипит и свистит» низкий метельный ветер... Где-то здесь задумываемся об этой земле поэту легло на сердце чувство, обжигающее и ныне своей горячей печалью.

И все-таки Генри Уолсуорт Лонгфелло не ошибся во втором горном предположении: те, с кем он вел свои беседы, кому верял тайн своей жизни и поэзии, нередко ищут вестя о нем. Его опыт запечатлен равнодушно: профессор филологии, великий господин, поражающий учеников Бюудейнского колледжа и студентов Гарварда только своими кудрями и цветными жилетами, тихий романтик, неизвестно как сочинивший могучую «Песнь о Гайавате». Впрочем, последний эпигам наш, К. Лонгфелло почти не обращают подобным слов. Для многих на его родике он всего лишь «сладозвучный Лонгфелло», одна из лежащих под спудом культурных ценностей.

Лонгфелло не соответствует стереотипу американского литературного мифа. Он слитком образован, маленький роста (природа масклялась над ним, дав фамилию, означавшую «длинный парень»), с его жизнью не связаны скандалы, самореклама, алкоголь, безумие или отшельничество. Он пришел в литературу, в душу читателей, мновшая прессу, без бума и патетических жертв, без какого бы то ни было детектива.

Американское юношество увлеклось имне предетом, называемым «Родословная мой семьи». Им занимаються в школах, в колледжах и университетах, изучая частности и детали прихода на землю, открывают Колумбом, дальних, а иногда и недалеких предков, измысливая старые церковные записи, документы, фотографии, предмет быта. Возможно, это увлечение илет от Фолкнера, пристально всматривающегося в прилетити давнего времени и проецирующего их на нынешнее. Однако такой взгляд наше отыскивает кровавые драмы, насильственные смерти, трагические противостояния, словом, некий апокалипсис общей американской родословной. И тогда генетолога великого Лонгфелло слезком ясна, чтобы правиться. Она кажется парадной, специально сочиненной мастерами публицити: четверо его предков приплыли в Америку на знаменитом

ценным влемеет мировой семьи людей, более чистыми и светлыми, нежели отравлявшиеся «просвещать» их миссионеры. Гуманистическая проповедь Ральфа Эмерсона сплотила вокруг него молодых литераторов, основателей своего рода Фурьеристскую коммуны — Врук Фарм... Все это вместе — детативная реплика лучших представителей американского общества той поры на жестокую и фальшивую идеологию ялста, ставшую целью вытеснения индейцев на Миссисипи и провозглашенную «географию» принципом творимой отгом и мечом национальной «истории».

Литературоведы США утверждают, что Бурн не достигали слуха Генри Лонгфелло, уютно читавшего книги у своего каминя в Новой Англии, в городке Кембридж, где помещается Гарвардский университет. Литературоведым движет вульгарно-социологиче-

ско, что было так в бурлящей, кипевшей готовящейся и Гражданской войне Америки. Здесь мы обратимся и одному на прекрасных современников Лонгфелло, художнику и писателю Джорджу Катлину, юрсту по образованию. Эта фигура — как ни относительно всегда парадокс — напоминает мне Алексея Гавриловича Венецианова. Чтобы исследовать «натуру», Венецианов удалялся в тверскую деревеньку. Катлин отразился за черту «фронтира», к индейцам и восемь лет ржовал, описывая и изучая их жизнь на Великих Равнинах. Катлин написал книгу, которую знал автор «Песни о Гайавате». Она называется «Нравы, обычаи и быт североамериканских индейцев», а живопись и графика Джорджа Катлина составляли так называемый «индейский музей».

Мы вспомнили некоторые страницы, на которых пляшут

Память творца, карда, а память вай, — его культура, и она всегда, во всякое время дает надежду. Мы радуемся, встретив на страницах «Гайаваты» «отдаленный дым Покламы, дым признанный Трубыи Мира»:

«Закурив Владана Минни Трубыи Мира, созвездия Все народы и созвездия... Ом простер в нини свин десницы, Чтоб свелчить их нрав упорный, Чтоб смирить их пыл безумный...»

Говорит: «О дети, дети! Слово мудрости внемлите, Слово протного совета... Ваша сила — лишь в согласье, А бессилие — в разладе... Если не будете вы глухи... Вы погибнете в раздорах! Закурите Трубуи Мира И жините впряд, как братья!»

«Дым Покламы» — единственная надежда нашего будущего. Но для Лонгфелло он был горестно растянутым в просторах прерий дымом недавнего прошлого. Тогда борьбу некоторых индейских пле-

ВЕЧНАЯ КНИГА «ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ»

Джордж Катлин. «Осиола — Черная Река, Великий Восток, 1838 г.

мен возглавил Осолола — Черная Река, прозванный Великим Воином. В южнокаролинской тюрьме, где содержался схваченный вождь индейцев, его портрет написал специально отравившийся туда Джордж Катлин. Лонгфелло знал портрет мужественного и доброго богатыря Осолола и многого от этого конкретного образа оставил в «Гайавате».

Мы далеки от мысли представить сказание Лонгфелло неким политическим откликом на события дня, хотя без нихульсов такого рода не обходится создание вечных книг. Однако пост движим не только протестом, но восхищением и любовью, он замечает не уродство конкретной жизни, а ее непреходящую и жиаущую наперекор атому красоту.

И опять ангаам воднался. В облаках поллила прозрачных. По воздушному течению. И притаял и Завед Вечерней, — На запад спустился тихо, — Как снежинки на снежинку. Как лютон на волны речки, Как лупшон репейный в воду.

Потерял любимую жену Миннегату и дорогого друга, победив гигантских чудовищ и пигмеев, дав в пишу своему народу элак манса (кукурузы), уплывает на запад, в небытие, благородный Гайавата... Странно: сцены трагической смерти Миннегаты и ее похорон пишутся за несколько лет до того, как при пожаре погибнет Френкс Эпидот, жена Лонгфелло. В этих сценах пост пророчески говорит о собственных горестях.

Осторожно и беззлобно, Сел он к лому Миннегаты, Сел к ногам ее холодным, И тем ногам, что иногда уж Не лойдут за Гайаватой... Просидел в оцепенении, Без движения, без движения... «О, прости, прости!» — сказал он, — О, прости, моя родина! Все мое с тобой сердце Схоронил я, Миннегата...»

Стоя в Уголке поэта Восточного аббатства в Лондоне перед бюстом Лонгфелло, я думала о его протекции, вспоминала эти строки

ская схема «писательской биографии». Но как тогда быть с уединенным веймарского министра Гете, столь мало внешне схожего со своим Фаустом; как быть с Шекспиром, чья актерская жизнь так далека от страданий короля Лира или Гамлета; как помнить знаменитую фразу Фюбера «Жима Бовари — это я?»

О, чтение книг, чтение вообще — не легкое, не пустое, не отгораживающее от действительности дело. А если в чтении проводит свои дни Лонгфелло, уже сказавший в прославленных стихах «Песни жизни»: «жить, творить среди борьбы», то следует внимательно посмотреть, по каким страницам пляшут баровые тени от его каминя.

Своим последним летом, в 1836 году, Александр Сергеевич Пушкин написал очерк «Джон Теннер»:

и мчатся отсветы горящего в Новой Англии каминя Лонгфелло. Были там и этнографические книги — Генри Скудрафта, Джеймса Холла... Наверное, достаточно искать источники. Все равно один из них, конечно же, не объяснит тайны и чарующей прелести нерифмованного хора «Гайаваты». Иван Алексеевич Бунина, осуществивший прекрасный русский перевод поэмы, так сказал о ней и ее авторе:

«...Глазнее, что навсегда упрочило за «Песней о Гайавате» славу, это — редкая красота художественных образов и картин, в связи с высоким поэтическим и гуманным настроением. В «Песне о Гайавате» сошлись все лучшие качества души и таланта ее творца. Лонгфелло всю жизнь посвятил служению возмущенному и прекрасному. «Добро и красота незримо разлиты в мире», — говорил он и всю жизнь исполнял их. Ему всегда были особенно дороги чистые сердцем люди, его увлекала девственная природа, маняли и себе древние народные предания...»

Table with 2 columns: Item name and Price. Includes items like 'Первая рамка', 'Безумный...', 'Телевизор...', 'Москов...', 'Вс 28', 'Первая рамка', 'Самый...', 'Заман...', 'Рыболов...', 'Вид', 'Фильм', 'Хорошо...', 'Космич...', 'Заман...', 'Заман...', 'Вид', 'Книжка...', 'Второй...', 'Вид'.

